

Л. ГРЕБНЕВ,
доктор экономических наук,
профессор МГИУ

О ПРЕДМЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ, или С чего начинать преподавание экономики?

Возможно, большинство моих коллег, преподавателей экономической теории, сочтут неактуальными вопросы, рассматриваемые в этой статье. Ведь практически в каждом учебнике вводного уровня на первых же страницах говорится о редкости (относительной ограниченности) ресурсов и их эффективном использовании как о главном предмете изучения экономистов. И говорится это уже много десятилетий¹.

Кроме того, в нашей стране преподаватели экономической теории только что, за неполные 20 лет, совершили переход от одного интеллектуального шаблона, «марксистско-ленинского», к другому². Зачем (или почему) надо делать это еще раз, причем не откладывая надолго? Можно назвать по крайней мере две причины. Одна из них находится на стыке преподавания и науки, а другая коренится в отношениях «преподаватель — студент».

Не секрет, что любой шаблон, используемый в преподавании, — это не наука, а в лучшем случае результат ее движения, причем результат промежуточный, а потому подлежащий пересмотру по мере развития самой науки. Представление о предмете экономической теории, которым мы сейчас руководствуемся в преподавании, было сформулировано более 70 лет назад, если в качестве точки отсчета брать статью Л. Роббинса «Предмет экономической науки»³. Именно в ней появилась формулировка: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения

¹ Если быть точным, то в науке «редкостная» парадигма появилась в 1871 г. — в работе К. Менгера «Основания политической экономии», а в учебниках прочное место заняла с 1948 г., начиная с «Экономики» П. Самуэльсона.

² Следует, однако, иметь в виду, что и в прежнем шаблоне присутствовало «редкостное» начало, что видно, например, в таких формулировках: «Потребности людей постоянно растут и опережают расширение возможностей их удовлетворения, что служит стимулом для дальнейшего роста производства» (Курс политической экономии. 3-е изд. / Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1974. Т. II. С. 125.), «...в каждый данный момент общество накладывает определенные ограничения в степени удовлетворения потребностей своих членов, но вместе с тем оно создает условия для дальнейшего возрастания производства и более полного и всестороннего удовлетворения потребностей в перспективе» (там же).

³ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 1.

между целями и ограниченными средствами»⁴. Препарирование ее до формата учебника вводного уровня потребовало определенных усилий научно-преподавательского сообщества и прошло в несколько этапов, что можно заметить на примере классического учебника П. Самуэльсона, автор которого всемирно признан и как ученый, и как преподаватель.

Лаконичная формулировка: «Экономика (экономическая теория) — это наука о том, как общество использует редкие ресурсы для производства ценных товаров и распределения их среди людей»⁵ — появилась только через несколько десятилетий после публикации первого издания учебника⁶. Но и ее нельзя назвать окончательной или общепризнанной. Вот еще два варианта определения предмета экономики из американских учебников, имеющих широкое хождение в нашей стране с начала 1990-х годов: «Экономикс — это исследование поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов»⁷ и «Экономика — это дисциплина, изучающая, каким образом общество с ограниченными дефицитными ресурсами решает, что, как и для кого производить»⁸.

Мы еще вернемся к более детальному сравнению этих формулировок, а для начала следует отметить, что все указанные авторы не только преподаватели, но и активно работающие ученые, публикующиеся в авторитетных научных изданиях. Более того, их научные пристрастия в определенной мере отразились даже в приведенных выше формулировках. Так, К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю, специализирующиеся на исследовании рынка труда и издавшие совместно книгу «Современная экономика труда» (1994), в своем определении упомянули *поведение людей*⁹. Из трех соавторов другого учебника двое, С. Фишер и Р. Дорнбуш, — макроэкономисты. В их определении предмета экономики упоминается *общество*. В отличие от этих «узких специалистов» П. Самуэльсон демонстрирует устойчивое внимание

⁴ Роббинс Л. Указ. соч. С. 18.

⁵ Самуэльсон П., Нордхауз В. Экономика / Пер. с англ. (15-е изд., 1995). М.: БИНОМ, 1997. С. 48.

⁶ «Экономическая теория есть наука о том, какие из редких производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества» (Самуэльсон П. Экономика / Пер. с англ. (5-е изд., 1961). М.: Алгон, 1992. Т. I. С. 7).

⁷ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / Пер. с англ. (13-е изд., 1996). М.: ИНФРА-М, 1999. С. 3.

⁸ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика / Пер. с англ. (2-е изд., 1988). М.: Дело, 1993. С. 1.

⁹ Замечу попутно, что употребленное ими словосочетание «процесс производства, распределения и потребления материальных благ и услуг» практически идентично тому, которое было составной частью «марксистско-ленинского» шаблона. Возможно, это как-то повлияло на то, что именно этот учебник стал первым массовым в нашей стране и к его продвижению на наш рынок приложила усилия кафедра политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Для молодых коллег напомним формулировку из университетского учебника: «Производственными отношениями называются отношения, возникающие между людьми в процессе производства, обмена, распределения и потребления материальных благ» (Курс политической экономии. Т. I. С. 58).

и к *людям*, и к *обществу*, ни в коем случае не отождествляя эти понятия. Причем, что особенно интересно, у него общество оказывается первичным по отношению к людям. Непонятно, как это сочетается с методологическим индивидуализмом, на котором, казалось бы, основана современная экономическая теория.

Сказанное выше об авторах переводных учебников можно резюмировать так: недостаточно самостоятельное отношение преподавателей к основам современной теории затрудняет выход на передний край науки и их самих, и обучающихся. Кроме того, преподавание само по себе обращено не столько в прошлое, сколько в будущее, принадлежащее уже не нам, а тем, кто учится у нас, — и не только. Сейчас будущее — это экономика, основанная на инновациях, на критическом отношении к любым устоявшимся знаниям, стереотипам. Можем ли мы вооружить таким востребованным обществом отношением к своему делу наших студентов, преподавая экономическую теорию? Если нет — есть большая вероятность того, что нас перестанут признавать как профессионалов не только в науке, но и в преподавании.

Итак, сравним четыре формулировки — Л. Роббинса и авторов трех учебников. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — это разное понимание статуса экономики. В научной статье и в первом из учебников (1948 г.) она называется *наукой*. Авторы второго по времени появления учебника (1963 г.) употребляют термин *исследование*, которое совсем не обязательно должно быть «чисто научным». Исследование может быть «чисто прикладным», не претендующим на открытие чего-либо нового в науке. Наконец, в третьем учебнике (второе издание — 1988 г.) говорится о *дисциплине*.

Вообще-то такой путь — от переднего края науки к учебной дисциплине, видимый на примере приведенных выше определений предмета экономики, — совершенно закономерен для любого научного знания. Но насколько обоснованна уверенность в том, что именно рассматриваемый шаблон, рожденный в науке в конце XIX — начале XX в., заслуживает того, чтобы лечь в основу учебной дисциплины и в XXI в.?

Еще раз обратившись к формулировкам, можно заметить, что только в научной статье речь идет о *целях* и *средствах*, а в учебниках упоминаются исключительно *ресурсы*. Вряд ли это случайно. Строго говоря, пара «цель — средства» является не научной, а практической. Ведущим в ней является первый элемент — «цель», которую ставит перед собой конкретный человек. Если нет цели, то нет и средств (ее достижения).

Проблема, не имеющая решения в рамках науки как таковой, состоит в том, что цель — явление внутреннего мира человека, а потому представляет собой «вещь в себе» для любого внешнего наблюдателя. В отличие от нее средства имеют два вида бытия — сначала идеальное (то есть существующее в представлении, мышлении) в связке «цель — средства», а затем реальное: доступные наблюдению средства достижения результата, соответствующего определенной цели. Идеальная пара «цель — средства» после

принятия положительного решения переходит в реальную пару «затраты—результаты». Именно «затратно-результатный» взгляд на окружающий мир во все времена считался отличительной чертой экономического мышления¹⁰.

С учетом только что сказанного можно вполне понять желание авторов, претендующих на изложение экономики как научной дисциплины (то есть учебной дисциплины, имеющей именно научное, а не какое-либо иное происхождение), избегать не верифицируемых (и не фальсифицируемых) «вещей в себе», каковыми являются цели конкретных людей, вообще субъектов. От них остается только более или менее абстрактная «целевая функция»¹¹.

Выходит, что, исключая из рассмотрения «цели людей» как вне-научный термин, экономисты-теоретики должны отказаться от парного ему термина «средства». В свою очередь, отказ от «средств» должен вести к отказу от привычного понимания «затрат» и «результатов» и их взаимной связи. Затраты — это всегда «затраты на...», «целевое использование», а не просто «расходы»¹².

Именно такой отказ и был осуществлен после введения понятия «альтернативные издержки», «издержки упущенной выгоды» (opportunity costs). Фундаментальность этого понятия, в явном виде сформулированного в рамках маржиналистской революции, вряд ли будет когда-либо оспорена. Но его качественная определенность в теории отнюдь не всегда подкрепляется количественной определенностью на практике. Графический пример, иллюстрирующий его в каждом учебнике, как правило, включает в качестве альтернативных благ «оружие» и «масло». На плоскости все выглядит красиво и, возможно, убедительно, если к тому же не забывать, что при этом рассматривается не рыночная, а плановая (точнее, моносубъектная) экономика. Количественная определенность «альтернативных издержек» исчезает уже с появлением хотя бы еще одного блага, что требует перехода к рассмотрению трехмерного изображения¹³.

По сути дела, основной сферой конкретного применения понятия «альтернативные издержки» является бизнес-планирование в развитой рыночной экономике, неотъемлемой чертой которого является

¹⁰ Как раз умением грамотно осуществлять cost-benefit analysis профессиональные экономисты обычно и зарабатывают на жизнь. Вообще говоря, в рассматриваемом шаблоне соответствующая терминология сохраняется и даже ставится во главу угла, правда с добавлением прилагательного «предельный» (marginal). Но в отрыве от реальных первичных целей хозяйствующих субъектов экономистам-теоретикам приходится создавать свою мифологию хозяйственной деятельности (типа: «максимизация текущей прибыли», «максимизация капитализации активов»).

¹¹ «Цели экономической политики» (например, монетарной, фискальной) не являются предметом экономической науки.

¹² «Расходная» часть баланса на практике включает позицию «потери» (от стихийных бедствий, иных внешних причин), которые, естественно, не являются «затратами».

¹³ В 15-м издании «Экономики» П. Самуэльсона и В. Нордхауза к «оружию — маслу» добавлены еще такие варианты: «предметы первой необходимости — предметы роскоши», «частные блага — общественные блага», «текущее потребление — капиталовложения». Как изобразить «альтернативные издержки» увеличения на условную единицу блага «оружие», когда в качестве его альтернатив выступают одновременно не только «масло» (т.е. «частные блага»), но и хотя бы «общественные блага»? Можно ради интереса попробовать добавить и «предметы роскоши».

сравнение внутренней нормы доходности проекта (IRR) с доходностью банковских депозитов¹⁴.

Только два «ресурса» могут рассматриваться как универсальные, не предназначенные в качестве потенциальных *средств* для достижения отдельных, специфических *целей* — время (человеческой жизни) и деньги. Однако время жизни хотя и ограничено, но неопределенно для каждого конкретного человека, а современные кредитные деньги хотя и определены, но, в сущности, не ограничены.

Если спросить обычного человека, не искушенного в экономике как науке, но имеющего опыт взрослой, самостоятельной жизни, как он понимает эффективность хозяйственной деятельности, он скорее всего скажет, что она определяется соответствием результатов этой деятельности ее целям. Строго говоря, именно сравнение фактических показателей с плановыми (на языке экономической теории: *ex post vs ex ante*) является едва ли не самой массовой аналитической процедурой планово-экономического подразделения любого реального хозяйства, в том числе действующего в рыночной экономике. Но, изгнав из поля зрения цели, экономисты-теоретики вынуждены были придумать свое собственное, «чисто экономическое», понимание эффективности¹⁵. Оно очень удобно для построения многих теоретических экономико-математических моделей.

Получается, что в ходе маржиналистской революции, поздним отголоском которой явились статья Л. Роббинса, а вслед за ней и все учебники (по крайней мере, вводного уровня), был сделан шаг по

¹⁴ Можно также вспомнить, что на попытки навязать количественно определенное «альтернативистское» понимание издержек при анализе российского крестьянского хозяйства А.В. Чаянов еще в начале прошлого века отвечал твердым отказом: «Как видно из нашего попутного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламывать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена... Однако нам лично она кажется слишком натянутой и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их. Поэтому мы более склонны воспользоваться для теоретического истолкования наблюдавшихся организационных особенностей другой гипотезой, основанной на концепции крестьянского хозяйства как трудового семейного хозяйства, в котором семья в результате затраты годовичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом... В противопоставлении этих двух гипотез весь ключ вопроса: мы должны или принять концепцию фиктивного двоедушия крестьянина, объединяющего в своем лице и рабочего, и предпринимателя, или концепцию семейного хозяйства с мотивацией своей работы, аналогичной мотивации сельщины. Ничего третьего не дано» (Чалянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. С. 202–203). Это не мешало ему руководствоваться аналогом того, что в современных учебниках излагается как модель «экономика Крузо»: «Так как предельная полезность понижается по мере роста общей суммы ценностей, поступающей в обладание хозяйствующего субъекта, то на известной высоте повышающегося трудового дохода наступает момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой этим трудом суммы» (Там же. С. 244).

¹⁵ См., например, простейшую формулировку: «Производственная эффективность имеет место тогда, когда общество не может увеличить выпуск одного блага, не уменьшая при этом выпуск другого. Эффективная экономика лежит на границе производственных возможностей» (Самуэльсон П., Нордхауз В. Экономика. С. 55). В общем виде этот принцип формулируется как Парето-эффективность.

направлению к человеку, субъекту («субъективная ценность»), но потом движение в правильном направлении прекратилось и даже чуть повернуло назад — к объективности, в соответствии с представлениями о научности, сложившимися когда-то в эталонных науках (особенно в физике). Вспомним: К. Менгер ввел понятие категорий благ разного порядка именно для того, чтобы отразить объективные *причинно-следственные* связи между появлением и исчезновением различных благ в цепочке «затраты — результаты» на основе симметричных, противоположно направленных *телеологических* связей «цели — средства»¹⁶. Прагматический концепт «цели — средства» он также применил для выведения законов, которым подчиняется ценность благ высшего порядка¹⁷. В последующем от этого подхода в экономической теории осталось только деление всех благ на конечные и промежуточные и появилась устойчивая тенденция игнорировать даже существование промежуточных благ¹⁸.

Когда Е. Бём-Баверк, следуя, казалось бы, логике Менгера, привел свой пример с урожаем одинокого поселенца, он ограничился введением пяти мешков хлеба исключительно как блага первого порядка¹⁹. Тем самым он способствовал закреплению той версии шаблона, которая уводила теорию все дальше от хозяйственной практики *производящей экономики*. Альтернативой ей, как известно, является *присваивающая экономика*, которая гораздо ближе к «хозяйствованию» в мире животных, чем к хозяйствованию, типичному для современного мира. Ключевым для такого «хозяйствования» является термин «выбор» (без обязательной увязки этого действия с определенной «целью»), поскольку практически любое животное отличается от растений как раз возможностью произвольного перемещения в пространстве, а потому постоянно вынужденного осуществлять как минимум выбор направления дальнейшего перемещения²⁰.

¹⁶ «Наше благосостояние, поскольку оно зависит от удовлетворения наших потребностей, обеспечено, если мы всякий раз имеем в нашем распоряжении блага, необходимые для непосредственного удовлетворения их... Наряду с перечисленными благами, которые мы для краткости будем называть благами первого порядка, мы встретим в человеческом хозяйстве большое количество других предметов, которые не могут быть поставлены ни в какую непосредственную связь с удовлетворением наших потребностей, но характер которых как благ столь же несомненен, как и благ первого порядка» (*Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992. С. 43*).

¹⁷ «Блага высшего порядка могут приобрести ценность, а приобретенную сохранить лишь постольку, поскольку они служат производству благ, имеющих для нас предполагаемую ценность» (Там же. С. 128).

¹⁸ Вот пример такого игнорирования, попавший на страницы популярного учебника промежуточного (intermediate) уровня и содержащий грубую ошибку: «Сумма внутренних расходов на товары и услуги, произведенные за рубежом ($C^f + I^f + G^f$), есть величина расходов на импорт (IM)» (*Мэнкью Н. Г. Макроэкономика. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 287; Mankiw N. G. Macroeconomics. New York: Worth Publishers, 1992. P. 179*). Ошибка состоит в том, что импортируются не только конечные блага, указанные в скобках, но и промежуточные блага, например в большинстве стран Европы — вся нефть, значительная часть газа.

¹⁹ «Один мешок необходим ему, чтобы не умереть с голода до следующей жатвы... Четвертый мешок должен пойти у него на приготовление хлебной водки...» (*Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии. С. 280*).

²⁰ При этом именно произвольный выбор может быть самым рациональным. Отсюда, в частности, процедура жеребьевки, абсолютно не совместимая с чьей-либо «целью» выбора из альтернатив.

Справедливости ради следует отметить, что эта «урезанная» версия развития исходной позиции австрийской школы отнюдь не является логически неизбежной, необходимой. На самом деле есть и иные версии, причем вполне работоспособные. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на недавно опубликованную на русском языке работу современного представителя австрийской школы²¹. Он тоже оперировал в условном примере с хлебом, но только как с благом второго порядка: «Отличительная черта человеческой деятельности — ее целенаправленность: люди используют различные средства для поддержания своей жизни и повышения своего благополучия. В реальном мире человек, прежде чем предъявить спрос на те или иные товары и услуги, вначале должен стать производителем. То есть возникает необходимость произвести определенные полезные товары (средства), которые потом обменять на другие товары (цель). Средства выполняют роль финансирования [funding] — то есть дают возможность достичь поставленных целей. Например, имея в своем распоряжении соответствующие ресурсы, булочник способен выпечь определенное количество хлеба... Та часть выпеченного хлеба, которую булочник обменял, чтобы приобрести и установить новую печь, и есть то, что называется сбережением»²².

Если бы Бём-Баверк действительно следовал логике Менгера в определении «порядка» благ²³, то, рассматривая одинокого поселенца, он непременно первый же мешок отложил бы в качестве семенного фонда, без которого тот просто не доживет «до следующей жатвы» (не посеешь — не пожнешь). Это не только сразу вводит в теоретическую схему в явном виде связку «цели — средства», но и привносит очень естественный аспект традиционного анализа экономической эффективности («затраты — результат»): «семена — урожай». Важная особенность этой пары — совпадение единиц измерения затрат и результатов (*что посеешь, то и пожнешь*)²⁴. Но вернемся к целенаправленности

²¹ Шостака Ф. Где мы находимся и куда нас несет (2002) // Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. С. 3–25.

²² Там же. С. 4. Если вчитаться в этот фрагмент текста Ф. Шостака, то можно заметить и у него следы «присваивательской» версии шаблона — игнорирование по крайней мере части промежуточных благ: муки и других расходуемых материалов. Но, во-первых, это не имело принципиального значения для критики им устоявшихся представлений о роли денег в реальной экономике как факторе развития: «Когда деньги напечатаны — то есть созданы «из воздуха», — это влечет за собой обмен «ничего» на деньги и далее обмен денег на что-то, то есть обмен «ничего» на что-то. Обмен «ничего» на что-то равносильно потреблению, которое не было подкреплено производством. Поскольку любая деятельность должна быть подкреплена ресурсами, то из этого следует, что увеличение потребления, которое не было поддержано производством, должно отвлечь ресурсы от видов деятельности, создающих богатство... Именно так деньги «из воздуха», уничтожая сбережение, запускают процесс постепенного торможения роста производства реального богатства» (С. 6–7). Во-вторых, он в конце вводной части своего доклада вносит полную определенность: «Игнорируя обеспечение ресурсами промежуточных стадий производства, общая схема ВВП превращается в иллюзорный мир, где конечные товары и услуги появляются «без предупреждения». Между тем в реальном мире ни один конечный продукт не может возникнуть в обход промежуточных стадий» (С. 7).

²³ «Этот порядок показывает только, что благо в зависимости от определенного назначения своего находится то в более близком, то в более отдаленном причинном соотношении с удовлетворением человеческой потребности; поэтому он не представляет собой чего-либо присущего благам и менее всего какое-либо свойство последних» (Там же. С. 45).

²⁴ Рассмотрение этого обстоятельства выходит за пределы данной статьи.

в трактовке австрийской школы. Оно, на мой взгляд, очень точно сформулировано В. Шостаком в уже приводившейся цитате: «Отличительная черта человеческой деятельности — ее целенаправленность: люди используют различные средства для поддержания своей жизни и повышения своего благополучия».

Почти о том же писал и Менгер в 1871 г.: «В предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей ...люди стремятся...:

1. Сделать выбор между наиболее важными потребностями, подлежащими удовлетворению доступными их распоряжению количествами ...благ, и теми потребностями, которые они решили оставить неудовлетворенными.

2. Достичь путем целесообразного употребления каждой частью количества благ... возможно большего результата и определенного результата возможно меньшим количеством благ, или, иными словами, применить наиболее целесообразным образом к удовлетворению своих потребностей как количества предметов потребления, так и количества средств для производства, доступные их распоряжению»²⁵.

В обоих случаях экономическая целесообразность поведения людей включает их сознательное отношение не только к внешним благам, но и к собственной жизни. В ней различаются собственно поддержание жизни (ее продолжение) и повышение благосостояния. У Менгера, насколько можно судить по приведенному тексту, повышение благосостояния включает увеличение числа удовлетворяемых потребностей. Если вдуматься, цели поддержания жизни (то есть ее продолжения «потом») и повышения благосостояния («сейчас») отчасти конфликтуют. Это понимают все реальные хозяйствующие субъекты, на этом основана идея индивидуальных пенсионных накоплений. Можно сказать иначе: количество жизни и ее качество, если рассматривать их как относительно автономные «блага», отчасти дополняют друг друга, отчасти замещают.

Но как раз жизнь как таковая — и людей, и общества — отсутствует в рассматриваемом варианте шаблона экономической теории. По крайней мере, отсутствует как печка, от которой надо танцевать²⁶. Со здравым смыслом, прежде всего здравым смыслом самих обучающихся, на который необходимо опираться хотя бы на первых страницах вводного учебника, это, на мой взгляд, «не вяжется». Едва ли не каждому учащемуся придется или уже приходится зарабатывать на жизнь, то есть часть жизни использовать как средство для обеспечения жизни в целом, а экономико-математическая модель этой ситуации, худо-бедно описывающая некоторые ее стороны, появляется только в главе о рынке труда. Самое интересное в ней — «обратный загиб» (backward slope) кривой индивидуального предложения труда. В модели это выглядит почти как курьез — возможность сокращения предложения труда при повышении ставки заработной платы. Но «по жизни» именно сокращение доли труда в бюджете времени человека (и общества) является устойчивой тенденцией, наблюдаемой в течение нескольких последних

²⁵ Менгер К. Указ. соч. С. 76.

²⁶ Интересно, что определение А. Маршалла, процитированное в статье Л. Роббинса и отвергнутое им как «материалистическое», представляет собой вариант, близкий к австрийскому: «Экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества...» (курсив мой. — Л.Г.) (Роббинс Л. Указ. соч. С. 10).

веков в индустриально развитых странах. Тот же здравый смысл подсказывает, что экономическая эффективность может или даже должна быть так или иначе связана с этой стороной жизни.

В конце концов, поддержание жизни и/или повышение благосостояния было бы логично рассматривать как конечный результат первичных затрат — части самой жизни, — нацеленных именно на него. В этом случае, как и для уже рассмотренного примера с урожаем хлеба (зерна), единицы измерения затрат и результата в принципе совпадают (*время* труда и *время* жизни). Иначе говоря, далеко не только деньги являются экономическим «благом», которое можно в равной мере рассматривать и на стороне «затрат», и на стороне «результатов» (и, симметрично, на сторонах «целей» и «средств»). Рискну предположить, что, разобравшись с «натуральными» благами, похожими на деньги в указанном смысле, мы лучше поймем и что такое деньги.

Хочу еще раз подчеркнуть: предложение начинать преподавание экономики с «поддержания жизни и повышения благосостояния» как фундаментальных целей хозяйствования вообще, экономической деятельности, не является чем-то принципиально новым в маржиналистской парадигме как таковой и, как мне представляется, хорошо согласуется со здравым смыслом, отраженным в формуле: «люди работают, чтобы жить». Убежден, что согласуется это и с позицией К. Маркса, которая вряд ли совместима с тем шаблоном, от которого наше преподавательское сообщество переходило к другому в последние 15–20 лет, но об этом чуть позже.

Сначала надо разобраться с «поддержанием жизни и повышением благосостояния». Как нетрудно видеть, в этом словосочетании не одна, а две цели, причем частично конкурирующие. Однако они далеко не равноценны содержательно: только первая из них — поддержание жизни — выступает как необходимое условие и для второй — повышения благосостояния. Можно также отметить, что первая в принципе имеет объективный характер, а потому поддается изучению научным образом, чего не скажешь о второй.

Поясню, что здесь имеется в виду. Поддержание жизни само по себе при неизменных внешних условиях представляет собой стационарный, равновесный и повторяющийся (циклический) процесс. Именно простая повторяемость однородных событий чаще всего рассматривается как одно из обычных условий применимости научных методов познания. Что же касается повышения благосостояния, то оно не только неоднородно во времени, но и не имеет объективных измерителей. Отказ от разделения этих двух целей, типичный в принятом нами на вооружение шаблоне, выворачивает ситуацию наизнанку. «Танцую» от второй цели, приходится полностью полагаться на рациональность потребителей и (по крайней мере, в рамках теории) настаивать на невозможности определения каких-либо объективных, «научно обоснованных» границ потребления²⁷. В результате первая цель — поддер-

²⁷ Вот, например, как это выглядит в работе Т. Скитовски «Суверенитет и рациональность потребителя»: «Основная идея экономики заключается в том, что потребитель сам знает, что ему нужно... Возможно, основная причина, почему мы считаем, что сам потребитель

жание жизни общества — почти полностью выпадает из поля зрения экономистов-теоретиков и остается вотчиной политиков²⁸.

На самом деле при анализе «поддержания жизни» нет никакой необходимости начинать с «границ потребления» каких-либо внешних благ. Вполне достаточно предположить сохранение имеющегося, уже сложившегося уровня, точнее, образа жизни. Это очень похоже на то, что когда-то К. Маркс назвал «простым воспроизводством»²⁹.

Однако есть один нюанс, возможно очевидный для самого К. Маркса, но совершенно оставленный без внимания и его последователями, и их критиками. «Производство благ, необходимых для жизни» и «производство жизни» — это далеко не одно и то же. Во всяком случае так подсказывает здравый смысл, которому хотя бы иногда стоит доверять. Насколько можно судить по работам «основоположника марксизма», сам он следовал этому здравому смыслу³⁰.

Точнее, пытался следовать, но это у него, как и у ближайших предшественников — А. Смита и Д. Рикардо, не очень получилось как раз потому, что они застревают на «середине», на промежуточном результате производства людьми жизни общества — на предметности внешних благ³¹. Логический механизм «сбоя» был такой же простой, как и в другом, уже рассмотренном выше случае. Цель не только «как закон» определяет способ и характер действий людей, подчиняющих свою волю

лучше всех может оценить свое благополучие, состоит в том, что в ином случае возникает явно неразрешимая проблема... Любая попытка предписания чего-либо или установление стандартов в этом смысле могла бы называться в лучшем случае деспотической, а в худшем случае — вмешательством в сугубо личные дела индивидуума. Среди наиболее осторожных... шагов в этом направлении являются попытки составить минимальные бюджеты, которые могли бы обеспечить покупку товаров и услуг, „необходимых для поддержания здоровья и разумно комфортабельного проживания“. Их основная цель — служить инструментом социальной политики и устанавливать границу между нищетой и удовлетворительным стандартом жизни... Как таковые, они всегда выделяют необходимое и отражают суждения исследователей среднего класса о том, что есть необходимое» (Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 370—371).

²⁸ Если верно английское выражение: «Исключение только подтверждает правило», то к таковым, возможно, относится работа, имеющая название «Частные желания и общественные нужды»: *Phelps E. S. Private Wants and Public Needs*. New York: W. W. Norton, 1965.

²⁹ Термин «воспроизводство» (reproduction) практически не встречается в теоретических работах мейнстрима, однако, по сути дела, именно воспроизводственная парадигма лежит в основе модели «встречных циркулярных потоков благ и денег», присутствующей в любом вводимом учебнике.

³⁰ Коротко напомним то, что уже отмечал в ходе дискуссии трехлетней давности на страницах «Вопросов экономики»: «Сам Маркс последовательно избегал сведения материального производства к производству благ, предпочитая говорить о производстве жизни. Об этом свидетельствует и начало той цитаты, которую воспроизводят А. Гайдар и В. Май: „В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения... Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“» (курсив мой. — Л. Г.) (Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 12—13). А вот еще из той же работы К. Маркса: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент» (курсив мой. — Л. Г.) (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 222).

³¹ Вспомним самые первые слова «Капитала»: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 3).

достижению цели³². Ценность цели — это основа ценности средств ее достижения, рискну добавить — *единственная* основа. Но тогда и *ценность труда* — этого фундаментального средства поддержания жизни, равно как и любого другого средства достижения той же цели (в самом общем виде — внешней природы), — определяется не им самим, а целью (то есть конечным результатом) — *продолжением жизни общества*³³.

Я предлагаю начинать преподавание экономики с рассмотрения выражения: «Мы работаем, чтобы жить». Думаю, что оно интуитивно понятно подавляющему большинству обучающихся, начиная с подросткового возраста. Поэтому можно сразу показать «затратно-результатный» характер этого выражения в самом обычном экономическом понимании смысла и «затрат», и «результатов». Поскольку на этой стадии разговора об экономике речь еще не идет о внешних объектах (их производстве, потреблении и перемещении между людьми), единицей измерения и затрат, и результатов является время — время жизни. Оно может рассматриваться как в абсолютном выражении, так и в относительном, то есть в виде структуры бюджета времени.

Здесь я бы хотел подчеркнуть традиционный безальтернативный характер именно этого вида затрат: мы не можем выбирать — трудиться или не трудиться — просто потому, что мы обычно не можем выбирать — жить или не жить. При сложившихся технологиях поддержания жизни и стабильных внешних условиях эти затраты имеют вполне определенную величину.

Экономическая эффективность в этом случае предстает в виде доли времени жизни, выступающей в качестве затрат на поддержание жизни (чем она меньше, тем выше экономическая эффективность)³⁴. Далее было бы логичным разложить эти затраты по крайней мере на две составляющие, одна из которых связана как раз с производством внешних благ. Но только одна, и к тому же, как мне представляется, ее стоило бы рассматривать далеко не в первую очередь, чтобы не отвлекать раньше времени внимание обучающихся от конечной цели (жизни) и от одного из первичных средств (части самой жизни) на промежуточные цели и средства.

В качестве первого практического задания студентам я бы предложил фиксацию ими своего бюджета времени. Для начала — только фактического. При этом рубрикацию «расходных статей» вполне можно сделать предметом специального обсуждения на основе предложений самих обучающихся³⁵.

³² В этом предложении почти пересказана известная мысль К. Маркса (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189), отнюдь не являющаяся чьим-либо научным открытием. Будучи проявлением прагматичного здравого смысла, она, как мне представляется, находится вне науки в ее традиционном понимании.

³³ Иными словами, двойственный характер ценности непосредственных результатов труда, предназначенных для поддержания жизни, есть следствие двойственного характера самой жизни, выступающей одновременно и как конечная цель, и — в виде труда (части жизни) — как одно из средств ее достижения.

³⁴ Явно или неявно при этом предполагается неизменность уровня благосостояния. Корректно снять это предположение можно только после того, как достаточно полно будет рассмотрена исходная ситуация.

³⁵ Кроме того, *time-management* сейчас является одной из бурно развивающихся отраслей управления, поэтому студенты через Интернет и сами наверняка приобщатся к последним «рецептам» по этой части.

В заключение назову только несколько практически значимых компетенций, развитию которых способствует такой подход к преподаванию экономики. Во-первых, это универсальная компетенция «learning to be» («учиться быть»), названная среди четырех ключевых в докладе UNESCO «Образование: сокровище»³⁶. Во-вторых, профессиональная компетенция, которую условно можно назвать «учет и контроль» и которая специально развивается через учебную дисциплину «бухгалтерский учет». Конечно, выполняя это практическое задание, учащиеся начинают нести «издержки наблюдения»³⁷, величина которых сама может и должна быть рассмотрена на предмет ее целесообразности.

Более продвинутые формы подобного самонаблюдения могли бы включать такие дополнительные характеристики разных форм «расходов времени», как «о чем думал» и «что чувствовал». Не секрет, что рутинные (то есть едва ли не все нацеленные на простое поддержание жизни) виды деятельности выполняются как бы автоматически и часто не мешают (а то и помогают) думать о чем-то другом. Поэтому как раз по наличию «отвлеченных мыслей» можно отнести соответствующее время к «затратному» в указанном смысле.

Что касается характеристики «что чувствовал», она может быть важна для отражения степени причастности самого человека к своим текущим делам. Обычно то, что человек делает для себя, для своих близких, он делает с удовольствием. «Для других» может делаться отчужденно, равнодушно или даже с негативными эмоциями. В любом случае характеристика «что чувствовал» имеет прямое отношение к мотивации деятельности, поведения и в конечном итоге — к эффективности³⁸.

Наконец, «затратное» время — это время эксплуатации человеком самого себя как минимум для поддержания жизни, как своей, так и «своих» (близких) или «чужих».

³⁶ Остальные три — «learning to live together», «learning to know», «learning to do». См., например: <http://www.diaghilev.perm.ru/g11/media/sotrud/inf1.htm>. Сейчас на их основе построена «Европейская квалификационная рамка» для восьми уровней профессионального образования («European qualifications framework lifelong learning» — EQF), которая только де-юре не имеет отношения к российскому образованию. См., например: http://ec.europa.eu/education/policies/2010/doc/consultation_eqf_en.pdf.

³⁷ Или самонаблюдения, самоотражения, саморефлексии. Я предлагаю использовать в качестве научного термина для таких «учетных», отражательных действий термин латинского происхождения «рефлексия» — слово, однокоренное с термином «рефлексия», имеющим совершенно иное, устоявшееся в философии содержание, а точнее, большое количество интерпретаций, вряд ли имеющих что-то общее с рефлексией.

³⁸ Как управленческой эффективности («цели — результаты»), так и «встроенной» в нее, как в матрицу, экономической эффективности («затраты — результаты»).